

Макроэкономика

Михал Габриель ВОЗНЯК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСПЫТАНИЯ ПОЛЬШИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ****Резюме**

В мире интеграции и глобализации, которому присуща достаточно большая скорость и легкость оборота огромных капиталов, а также информации, необходимой для принятия рациональных решений, реальные и регуляторные процессы в Польше все больше и больше зависят от того, что происходит в мировой экономике. Однако конвергенция экономического развития требует быстрого распространения наукоемких экономических моделей. Эти процессы ассоциируются как с возрастающим риском экономических начинаний, так и с экономической безопасностью людей, менее приспособленных к адаптации. Противодействие отрицательным последствиям глобализации и европейской интеграции возможно благодаря качественной адаптации человеческого капитала. В то же время возрастают аккумулятивные возможности польской экономики, эффективность инвестиций в физический капитал, модернизация традиционного сектора, связанная с созданием новых рабочих мест путем распространения информации и телекоммуникативных технологий, а также развития экономической инфраструктуры малого и среднего бизнеса, сельских территорий и жилых домов.

© Михал Габриель Возняк, 2007.

Возняк Михал Габриель, д-р, профессор, кафедра прикладной экономики, Академия экономики г. Краков, кафедра экономической теории, Университет г. Жешув, Польша.

Устранение барьеров, которые усложняют реализацию вышеупомянутых объектов, путем рыночного механизма было бы недостаточным для наукоемкого экономического развития. Таким образом, необходима государственная политика, направленная на поддержку, рационализацию, создание рыночного механизма, развитие предприятий и инноваций. Для гарантии ее связи с рыночным механизмом и рациональности устранения угроз глобализации политика должна сосредоточиться на продолжительной глобальной стратегии, сконцентрированной на увеличении производительности, развитии человеческого капитала, а также экономически оправданного и приемлемого для общества социального неравенства.

Ключевые слова

Глобализация, европейская интеграция, регионализация, «новая экономика», экономическое развитие, экономическая политика, экономическое сотрудничество.

Классификация по JEL: O4, O52.

1. Вступление

Чрезвычайная важность международной взаимозависимости в моделировании экономического развития страны в современном мире является результатом распространения глобальной склонности к либерализации экономики. Это заметно сказалось на различных социально-экономических процессах:

- ускоренное развитие международной торговли, выраженное ее возрастающей долей в создании ВВП разных стран;
- возрастающая роль потоков международного капитала в форме внешних займов, прямых иностранных и портфельных инвестиций;
- доминирующая и постоянно возрастающая роль международного сотрудничества в глобальной экономике в сфере производства и распространения товаров массового употребления, в контроле ресурсов, являющихся стратегическими для экономического развития, развитие научных и технологических идей, формирующих новые технологии, таким образом влияя, кроме всего прочего, на

капитал, энергетику, продукты питания, медицину и окружающую среду;

- доминирующая роль международного распространения продуктов, технологических и управленческих инноваций, патентов, информации как таковой, информационных технологий в моделировании экономики и общества;
- интенсификация человеческих потоков и массовая эмиграция образованных людей из менее развитых стран в более развитые и в международные корпорации, включая международные человеческие потоки между развитыми странами в научной, консалтинговой и других сферах;
- возрастающая и решающая, во многих случаях в отношении национальной экономики, роль экономических и политических механизмов для регионального регулирования является логичной в отношении интенсификации экономически и политически ориентированных интеграционных процессов, имеющих место на всех континентах и лимитирующих границы и объемы автономии национальных регуляторных механизмов;
- регуляторные функции международных экономических организаций глобального влияния (МОТ, МВФ, Мировой Банк) и других международных организаций, общих или специализированных, таких как ООН, МОП, ФАО, навязывающих поведение своим участникам.

Взаимозависимость стран в свете этих процессов ведет к некоторым сравнительным преимуществам. С другой стороны, полученные в результате возрастающая взаимозависимость между странами и разный уровень доли в увеличении прибыли от международной специализации поднимают вопрос о максимизации шансов и минимизации угроз глобализации не только для роста экономики и ограничения отставания в развитии, но и для роста экономической безопасности развивающихся стран, включая ощутимый рост благосостояния их граждан.

Бурные изменения в мировой экономике за последние 25 лет являются причиной вышеуказанных процессов. Эти изменения отразились как на глобальной экономике, так и на отдельных странах, которые в разной степени попали под пресс стандартизации продукции, потребления, регуляторных механизмов, ценностных систем и стилей жизни. На фоне этих новых экономических и социальных угроз на микро- и макроэкономическом уровнях, как следствие, появился достаточно высокий уровень изменений, который часто превышал адаптивные возможности огромного количества субъектов и разные адаптационные возможности отдельных стран по преодолению испытаний и проблем глобализации, включая информационную и телекоммуникативную революцию. Несмотря на то, что процессы транс-

формации рынка продолжались более 15 лет, включая не меньший период интеграционных попыток, сопровождающихся освоением стандартов глобализации, польское общество до сих пор открыто для этих угроз.

Неожиданный экономический рост 1990-х наблюдался в США раньше, чем в ЕС, особенно 20-летний период феноменальной экономической экспансии Китая, стран Южно-Восточной Азии, включая Индию, значительно повышают риск отставания в развитии польской экономики. Последовательность Лиссабонской стратегии [9], которая была направлена на ускорение процессов распространения инноваций, вытекающих из информационной и телекоммуникативной революций, не решила проблем ЕС на протяжении последних 5 лет, не принимая во внимание некоторых его членов, отстававших от лидеров глобального капитализма. Хотя имеющиеся факты представляют общий европейский рынок как медленный, кое-кто, ощущая себя комфортно, заявляет, что он является стабильным с точки зрения экономического роста. Это возрастающе-отрицательное отставание в развитии ЕС также отрицательно влияет и на Польшу, которая с момента ее вступления в ЕС до сих пор находится под влиянием нормативно-правового регулирования ЕС. Необходимо напомнить, что условия конвергенции, определенные в Маастрихтском договоре, требуют медленного экономического роста. Кроме того, экономики стран-участниц ЕС зажаты в рамках бюрократического регулирования *acquis communautaire*. Вопрос, возникающий в данной ситуации: имеет ли стратегия развития недостатки Лиссабонской стратегии и пригодна ли она для экономического роста, который бы мог устранить возможное отставание в развитии Польши? На наш взгляд, ключом для разрешения проблемы отставания в развитии является соответствующая стратегия, которая должна сфокусироваться на стимулировании роста производительности компаний, приобретения человеческого капитала и справедливого социального неравенства, которое достигается посредством конкурентного экономического порядка, усиленного инструментами экономической политики, связанной с логическими механизмами свободного рынка.

2. Источники интенсивного экономического роста в условиях глобального капитализма

Теоретические модели неоклассиков и новейшие теории экономического роста отмечают, что интенсивное экономическое развитие является результатом ускорения процессов инноваций и роста производительности [18; 25; 27]. Оба этих результата интенсивного экономического развития являются результатами широко распространенной склонности к применению знаний в работе и только в четко определенных местах. Быстрое рас-

пространение последствий информационной и телекоммуникативной революций, продолжающееся более 25 лет благодаря либерализации, региональной интеграции рынков и другим процессам глобализации, способствовали возникновению вопроса: возникла ли уже «новая экономика», которая не является отражением общепринятых парадигм теории? Однако после обнародования результатов локальных финансовых кризисов 90-х оказалось, что «новая экономика» вписывается в старые парадигмы, хотя ее процессы имеют некоторые отличительные черты. Отличает ее от традиционной экономики скорость, широта и более обобщенное применение знаний на практике. Это означает, что концепция наукоемкой экономики лучше отражает содержание так называемой «новой экономики». Экспансия наукоемкой экономики ведет к образованию всеохватывающей экономической структуры, из которой появляются информационные и телекоммуникативные технологии, влияющие на все отрасли экономики и ведущие к повышению уровня производительности труда и ВВП на душу населения. Постоянно возрастающий уровень производительности труда в отрасли ИКТ возникает как результат достижений положительного внешнего эффекта экономической деятельности [17]: исключительно быстрое сокращение затрат, обработки информации и времени ее передачи путем уменьшения асимметрии информации, способствующей рационализации рынка. В то же время, ускорение роста ВВП является результатом быстрого и динамического распространения информационных технологий и телекоммуникативных сетей в экономике, а также в отрасли ИКТ.

Традиционная экономика, базирующаяся на обычном физическом труде, не может конкурировать с наукоемкой, несмотря на ее прибыльность. Вот почему производство товаров и услуг, изготовлявшихся преимущественно традиционно вручную, утратило конкурентоспособность. В настоящее время работники должны хорошо владеть навыками, необходимыми для работы на компьютеризированных рабочих местах. Реалиями развивающихся стран является то, что их рабочий ресурс и, более того, — их качество — являются недостаточными для требований новой экономики.

Отсутствие информации и телекоммуникативная революция, наряду с прогрессом распространения ее инновационной экспансии наукоемкой экономики, порождают многочисленные проблемы как для развивающихся стран, так и для рынков, которые только начинают свою трансформацию. Попыткой решения этой проблемы является консенсус, утвержденный в рамках Вашингтонской доктрины (1989). Данная доктрина гласит, что приватизация, либеризация и макроэкономическая стабильность создают благоприятный климат для иностранных инвестиций, приносящих с собой новые технологии, доступ к иностранным рынкам, новые рабочие места, и увеличивают доступ к финансовым ресурсам¹ [5]. Доктрина, однако, базируется на упрощенной модели эффективного рынка, который не был при-

¹ Вашингтонский консенсус базируется на так называемом золотом стандарте англо-саксонского капитализма.

годен для постсоциалистических стран даже в масштабе времени жизни целого поколения. Общеизвестно, что эффективно функционирующий рынок не может быть создан сразу. Любые попытки драматических и быстрых действий по либеризации экономики и внедрению специфических институтов для развития рынка, означают, что люди, не имея опыта в этом деле, обычно только стоят на позициях протекционизма и годами поддерживают постулат, что пассивность приносит выгоду; они также способны определить благоприятные альтернативы для выбора, рисковать или брать ответственность за активность в новой, быстро изменяющейся среде. Сегодня мы удивляемся факту, что развитие требует социальной трансформации, и скорее неожиданные изменения вызывают утрату социального капитала – важный производственный фактор современных экономик, который не принимался во внимание Вашингтонским консенсусом.

Социальный контекст не может игнорироваться в любой стратегии или экономической политике, опираясь на предпосылки экономической безопасности граждан. Его нарушение ведет к социальным стрессам, постоянно возрастающим требованиям популистских групп, социальному напряжению, эрозии власти и репутации ее политики, меньше всего, ее неэффективности, даже когда все логично связано и происходит с целью улучшения благосостояния в долгосрочной перспективе развития.

Сравнительно низкий уровень экономического роста вместе с существующим технологическим отставанием создают возможности для ускорения данного роста. Для осознания этого развивающиеся экономики, должны приспособиться накапливать, наследовать и осваивать знания, проекты, идеи, средства, организационные решения, как и наиболее развитые технологии, разработанные в высокоразвитых странах. С тех пор как экспансия наукоемкой экономики применяется, прежде всего, в секторе услуг, поскольку он является изначально нематериальным по своей природе, его развитие будет способствовать быстрому процессу конвергенции. Экспансия наукоемкой экономики требует развития человеческого капитала, который приравнивается к информационной и телекоммуникативной революции. Отсутствие данного капитала вызывает невозможность ускорения накопительных процессов наукоемкой экономики.

Ликвидация отставания в развитии, однако, не должна быть в разрыве с конвергенцией традиционного сектора и его составляющими в модели страны. Это создает необходимость путем замены увеличить эффективность инвестиций в физический капитал, чтобы сделать возможным ускорение развития в данном секторе, используя достижения ИКТ с целью улучшения условий для труда, несмотря на прирост труда и производительности в секторе ИКТ.

К сожалению, результаты эконометрии для Польши показывают, что вклад TFP (суммарной факторной производительности) в потенциальный ВВП недостаточен. TFP соответствовала приблизительно половине ВВП в 1990–1995 гг. Наряду со снижением экономического уровня TFP, ее доля в

создании ВВП также снизилась, поскольку в 1996–2000 гг. она была уже меньшей 20% [31]. Прогнозы, базирующиеся на одинаковых эконометрических моделях для периода 2003–2008 гг., также предполагают, что вклад TFP в ВВП останется достаточно низким – на уровне приблизительно 37% [32]. Принимая во внимание тот факт, что в большинстве стран ЕС-15 вклад TFP составляет 60% от роста ВВП, а в США – даже более 87%, сопоставляя с показателями TFP для стран ЕС со средним или высоким ВВП на душу населения, уровень общей производительности в Польше почти в три раза меньше. Легко заметить, какими сложными и трудными для решения являются проблемы по преодолению отставания в развитии.

Вышеприведенные факты и прогнозы показывают, что даже очень быстрое развитие ИКТ сектора не даст весомого вклада в уровень прироста экономики на протяжении многих лет. В странах, лидирующих в развитии ИКТ, таких как США, Финляндия, Канада, Швеция, Великобритания, инвестиции в этот сектор достигали даже 10% ВВП в 1999 г., в то время, когда в Польше они составляли лишь 1,9%. Доля инвестиций в ИКТ в ВВП и до сих пор в пять раз ниже в Польше, чем в лидирующих странах, и, несмотря на фактическое ее увеличение, отчетливо видно, что ее вклад в прирост экономики является все еще низким.

До того как Польша достигнет высшего уровня показателей TFP, как и в высокоразвитых странах, главным источником ликвидации отставания в развитии остаются связанные с созданием новых рабочих мест и уменьшением безработицы в традиционных секторах с дальнейшей возможностью освоения информации и телекоммуникативных инноваций разработанных за границей. Необходимо помнить, что производительность в традиционном секторе значительно меньше, чем в секторе ИКТ. Хотя модернизация традиционного сектора через проникновение ИКТ увеличивает вклад суммарной производительности ВВП, страны, которые создают ИКТ, будут иметь более высокие показатели вклада TFP в ВВП и, как следствие, будут выделять большую часть ВВП на развитие ИКТ сектора. Таким образом, когда конвергенция станет процессом, который ведет к сопоставлению уровней развития для лидеров в течение определенного периода времени, делая полный цикл Кондратьева (50–60 лет), то развивающиеся страны должны стремиться достичь показателей наукоемких экономик, включая сектор ИКТ, соответствующий данным экономикам в модели страны. С другой стороны, ликвидация или уменьшение отставания в развитии может стать миражом.

Главными преградами на пути к ликвидации отставания в развитии до сих пор является высокий уровень рассеивания новых технологий в традиционных секторах по сравнению с моделями развитых стран и достижение доли ИКТ в ВВП, согласно этим моделям, за кратчайший период. Вопрос, возникающий в свете этих факторов, – это барьеры накопления ИКТ в Польше и развитие внутреннего сектора ИКТ. Также возникает вопрос относительно динамики развития наукоемких экономик, дающих воз-

возможность для роста и производительности, а для конкурентоспособности не влияющих на экономическую безопасность.

Действия, направленные на макроэкономическую стабильность экономики, целью которых является низкая инфляция, сбалансированные национальные финансы, внешний баланс экономики, без сомнения, принесут положительные результаты для экономического роста, особенно в долгосрочной перспективе. Однако, они не приведут к достижению постоянного конкурентного преимущества местных предприятий и экономики в целом в международном измерении, если не будут поддерживаться глубокими структурными изменениями на микроэкономическом уровне. Конечно же, не ожидается, что структура экономики, которая трансформируется так же, как и ее рынок, даже после 15 лет адаптационных процессов сможет быть такой же зрелой и эффективной, как экономики развитых стран. Даже если бы случился такой прецедент, рынок был бы способен генерировать высший общий производительный уровень TFP, для того чтобы гарантировать ликвидацию отставания в развитии. Отсюда и вытекает потребность в стратегической важности правительственного вмешательства через использование институциональной и микроэкономической политики. В Польше, как и в других постсоциалистических странах, процесс создания экономической и институциональной инфраструктуры, которая соответствует требованиям эффективных рынков, далек от завершения. Недоразвитость этой инфраструктуры может привести к технологической ловушке и ограничениям в глобальной экономике

Для использования преимуществ в развитии наукоемкой экономики, для ликвидации отставания в развитии и большей экономической безопасности, Польша должна заранее создать зрелую физическую инфраструктуру, развить институты, которые укрепят влияние технологического процесса на все вышеперечисленное, улучшить качество человеческого капитала. Только после того как TFP возрастет, возможно, наследование успеха развитых стран наберет силу как в традиционных секторах, так и в секторах ИКТ. Взаимозависимость между ростом производительности труда в двух группах этих секторов размежевывает использование низкого уровня экономического развития и технологическую отсталость для ускоренного развития. Для использования данного преимущества необходимо, прежде всего, аккумулирование физического и человеческого капитала, что сделает возможным аллокацию ресурсов надлежащим образом для развития экономики и институциональной инфраструктуры, благоприятной для увеличения производительности, развития человеческого капитала и оправданного социального неравенства.

Постсоциалистические страны, включая Польшу, унаследовали несбалансированно-развитую экономическую структуру (не соответствующую требованиям открытых рынков), драматически низкие способности по освоению технологических инноваций внутренней экономикой и бизнеса, отсутствие финансового капитала, низкий уровень институциональной готов-

ности общества и политиков, включая производственный сектор, для освоения наукоемкой экономики, неудовлетворительное знание английского языка, грубое управление и затратная обязательная стоимость труда централизованно-плановой экономики. Хотя наблюдается ощутимый прогресс во многих секторах, он не смог устранить барьеры для развития наукоемкой экономики на протяжении 15-летнего периода трансформации. Трансформационные процессы и соответствующая макроэкономическая политика успешных правительств ведут к неполному востребованию рабочей силы (17–20% – уровень безработицы на протяжении 2000–2005 гг.), обезцениванию социального капитала (коррупция, отсутствие социального доверия особенно к государственной политике, общее ощущение социальной несправедливости и др.). В конце 1990-х в Польше наблюдалось серьезное снижение уровня экономической активности и спад инвестиционного климата. Не наблюдалось никаких симптомов по улучшению в этой сфере и на протяжении 1998–2002 гг. Бизнес-среда, особенно ее институциональный и легальный аспект, создает много барьеров, которые препятствуют развитию технологически емких предприятий (особенно СМП сектору) [34]. Эти барьеры были и во многих случаях сейчас наблюдаются среди других численных формальностей и относительно высокой стоимости регистрации фирм, налогового и трудового регулирования, неблагоприятного для инноваций, сравнительно высокого уровня стоимости социального страхования, бюрократии и низкой эффективности судов, проблем интеллектуальной собственности и защиты ее прав, неэффективности деятельности патентных бюро, введения нематериальных прав собственности среди ученых и их сотрудников.

Новейшая теория экономического роста доказывает, что долгосрочные инвестиции в человеческий капитал увеличивают производительность, генерируют высшие доходы для работников, предприятий и даже страны, однако в меньшей степени, чем другие инвестиции, грозят потерей рабочих мест; усиливают принципы демократии и ограничивают влияние популистских идеологий, пока продвигают вхождение внутренней экономики в глобальные потоки новой экономики, базирующейся на информационных и телекоммуникативных технологиях (ИКТ). Образование также имеет высокую ценность не только в измерении интеллектуального капитала, повышающего производительность труда ее владельца и его сотрудников, а также для личного развития, не обязательно связанного с экономическими перспективами.

3. Ресурсы человеческого капитала Польши и развитых стран

Уже в 1990-х приблизительно 20% ВВП развитых стран были направлены на создание и распространение знаний, 10% из которых шли на официальное образование, 5% – на рабочие тренинги вне места работы, финансирующиеся работодателями, и 3–5% ВВП – на ИР (исследования и развитие). Это означало, что создание знаний остается наибольшей инвестицией в высокоразвитых странах. Однако затраты на создание и распространение знаний, которые являются источником интенсивного уровня экономического роста, не очень велики, в отличие от затрат на трансформацию их в продукт, услугу и экспорт. Это доказано высоким вкладом производительности и эффективности труда в уровень развития ВВП.

По показателям индексов сравнительных затрат на распространение знаний, Польша находится на среднем уровне стран ОЭСР. Согласно данным, опубликованным Центральным статистическим управлением в 2000 г., общие затраты частного и государственного сектора на образование не превышали 10,6% ВВП² [22]. Несмотря на это, есть причины утверждать, что доля ВВП в затратах сектора бизнеса на образование во вчерашнее время является меньшей, чем в высокоразвитых странах. Принимая во внимание тот факт, что ВВП на душу населения по покупательной способности в 2 или 4 раза меньше в Польше, чем в высокоразвитых странах, можно сделать вывод, что сектор распространения знаний недостаточно инвестирован. Затраты государственного и частного сектора на науку являются драматически низкими. В 1991 г., доля затрат на ИР в ВВП не превышала 1,08%, и систематически уменьшалась до 0,59% в 2004 г. и была приблизительно в 3,3 раза меньше средней в ЕС. Она только приближается к 66,8 доллара на душу населения, в то время как средние затраты на ИР в ЕС составляют 93,1 доллара [2]. Следует заметить, что показатели колеблются около критического уровня бюджетного финансирования субсектора ИР, который составляет 0,4–0,6% ВВП и только покрывает средства на выживание исследовательских центров и центров развития. Мизерные результаты инноваций ИР субсектора связаны также с неблагоприятными моделями затрат. Только 38% этих затрат направлены на базовые исследования, непрямым образом связанные с изобретениями. В то же время, 54,5% этих источников являются бюджетными. Мы должны принять во внимание тот факт, что индустриальный сектор имеет незначительные ресурсы инноваций (0,26% ВВП) и банки предлагают высокие проценты займов на инновации, связанные с инвестициями. Поскольку вспомогательные программы, которые отменяются в связи с отсутствием систем,

² Из которых: доля затрат из центрального бюджета – 1,2%, территориальных местных бюджетов – 4,2% и домохозяйств – 5,2%.

стимулирующих улучшение освоения зарубежных технологий, не должен удивлять факт, что количество патентов на 100 граждан в Польше значительно ниже, чем высокоразвитых странах. Например, средний показатель изобретений в Польше – 0,6, в то время как в ЕС он – 2,6. К тому же, доля компаний, внедряющих инновации в Польше (17%), в четыре раза ниже, чем в ЕС-15 (51%) в 2000 г.

Количественные показатели ресурса человеческого капитала ограничиваются показателями образования, которые в 2000–2003 гг. были впечатляющими для Польши. Во многих случаях они были на более высоком уровне, чем в высокоразвитых странах. Достаточно высокую динамику можно отметить, начиная с 1995 г. В 1995 г. приблизительно 500 тысяч человек находилось на учебе, а в 2003 г. этот показатель достиг уровня 1950 тысяч. Такой рост в 4 раза означает, что в Польше число обучающихся людей на 10 тысяч населения составляет 459 человек. В 2001 г. этот показатель составлял 105 человек – больше в Польше, чем в среднем в ЕС-15, только Финляндия (540) опередила всех, отставая лишь на 100 человек от США [23]. Согласно такому необычному росту количества студентов после 1995 г. в Польше, каждый второй гражданин в возрасте 19–24 лет находится на учебе, тогда как в странах ОЭСР – каждый третий. Также показатели среднего образования в возрастной группе 15–19 выше в Польше, чем в странах ОЭСР: соответственно 96% и 82%. Однако показатели среднего и высшего образования среди работающего населения все равно ниже в Польше, чем в странах ОЭСР, в связи с неэффективностью базы государственного образования в централизованно плановых экономиках и полным отсутствием сектора частного образования. Вот почему уровень образования работающего населения на университетском уровне в Польше на протяжении 2002 г. составлял только 12%, в то время как в странах ОЭСР – 23%. Также уровень среднего образования среди взрослого населения ниже в Польше, чем в странах ОЭСР, и составляет, соответственно, 31% и 39% [29]. К сожалению, эти показатели в основном определяют отдачу от вклада в развитие человеческого капитала.

Это все и является доказательством того, что Польша до сих пор остается на фазе экстенсивного развития человеческого капитала. Быстрый рост количества людей с высшим и средним образованием ведет к регрессу в качестве, согласно чрезмерной диверсификации образовательного уровня и несовпадению направлений учебы с практическими потребностями. Низкое качество человеческого капитала в Польше является следствием общественного менталитета в отношении к работе, которое было унаследовано от централизованной плановой экономики и шокового периода трансформации. Люди, привыкшие к патернализму и годами не имевшие индивидуальной ответственности за свое будущее, поскольку их вели авторитарные механизмы управления, и ограниченные суровыми правилами рынка и диким капитализмом, считают свою экономическую безопасность достаточно низкой. Пока они убеждены, что их собственная деятельность не влияет на их жизненную ситуацию, их чувство безопасности не

может быть улучшено. Факторы, способствующие ощущению низкой безопасности, включают: высокий риск утраты рабочего места в связи с ухудшением здоровья, нестабильность заработка, согласно переменному экономическому климату, и угрозы насилия со стороны бедных.

Синдром приобретенной беспомощности стал уже одним из типов отрицательного человеческого капитала, направленного против предпринимательских позиций. Это неправда, что бедные люди ленивы, чаще всего они работают тяжелее тех, у кого лучшее материальное положение. Бедность, прежде всего, – это результат попадания в спираль бедности. Следствием этого часто является недостаточность продовольствия, плохое здоровье, ограниченные возможности для образования детей, особенно высшего, что ведет к ухудшению условий существования семьи. Неудача в контроле одной части очень скоро превращается в лень. Синдром приобретенной беспомощности является результатом этой спирали, ведущей к бедности, которая наследуется потомками. Группы людей, лишенных чувства безопасности, социально отброшены, хорошо воспринимают популистские идеологии, которые препятствуют экономической и политической безопасности и ведут к рождению таких же людей.

Основной потенциал человеческого капитала в значительной степени утрачен в Польше. Это подтверждает тот факт, что каждый пятый гражданин трудоспособного возраста остается безработным. В то время, пока средний уровень занятости в трудоспособном возрасте составлял 65,1% в странах ОЭСР в 2002 г., в Польше он был лишь 45,8% [15]. Квалифицированная рабочая сила также в большей степени принимает участие в этой непомерной утрате рабочей силы. Масштабы этой утраты могут еще на протяжении многих лет оставаться на высоком уровне, даже при демографическом увеличении рабочей силы оно уменьшится только на две трети в течение 2006–2010 гг., по сравнению с текущим 5-летним периодом. Количество выпускников университетов, которые выходят на рынок рабочей силы, значительно увеличивает приток, беспрецедентный уровень в 3 миллиона в польской истории, в то время как количество выпускников только летних школ достигает 2,2–2,5 миллиона человек. Такой большой поток образованных, амбициозных молодых людей ведет к хорошему шансу для стимуляции экономического роста, улучшению как качества жизни, так и модернизации традиционных секторов, и развитию наукоемкой экономики. Чтобы использовать все преимущества этих огромных ресурсов человеческого капитала, необходимо создать хотя бы 2 миллиона новых рабочих мест до 2010 г., и другие 3 миллиона до 2015 г., в то время когда остальные должны быть привлечены в уже существующие, но модернизированные рабочие места. Если это произойдет до окончания текущей декады, безработица увеличится до 25%, что будет составлять около 1 миллиона людей с высшим университетским образованием. Принимая во внимание эти данные, трудно не согласиться с мнением некоторых политиков и экспертов, утверждающих, что уровень естественной безработицы есть и будет находиться в будущем на уровне 8–10%. Такая ситуация препятствует более

широкому использованию человеческого капитала, а также уменьшению отставания в развитии в Польше. Эти перспективы даже могут стать достаточно отдаленными, если уровень безработицы будет гармонизирован путем эмиграции наиболее образованных, здоровых и деловых людей в страны ЕС и Северную Америку. Такой затратный и невыгодный для конвергенции сценарий уменьшения безработицы возможен, поскольку симптомы утраты потенциала человеческого капитала уже существуют в течение последних лет. Уровень безработицы среди образованных людей возрастает. Люди с высшим образованием составляли 3,9% от общего зарегистрированного количества безработных в 2002 г., в то время как в 1995 г. они составляли лишь 1,5%. Так, уровень безработицы в группе образованных людей возрос в течение этого времени с 3% до 8,2%, тогда как в странах ОЭСР он в среднем составлял 4,7% [29]. Необходимо указать и на то, что уровень безработицы среди людей со средним и средним специальным образованием был в 2,5 раза выше и достигал 21%, в то время как в странах ОЭСР он составлял 6%.

Такой высокий уровень безработицы означает, что основная часть знаний, приобретенных в Польше, обесценена, в то время как инвестиции в образование будущих безработных – это только трата средств. Существуют и другие направления инвестиций в человеческий капитал – в фактические средства, не учитывая безработицу. Они являются результатом значительной дифференциации оплаты труда согласно международным действующим условиям либерализации рынка и существующим эффективным механизмам оценки труда. В свете этого и с наивысшим уровнем безработицы в Европе вступление Польши в ЕС приведет к существенным потерям наилучших и наиболее образованных, здоровых и способных к риску людей и не только среди безработных. Симптомы этого феномена уже наблюдаются спустя всего несколько месяцев членства Польши в ЕС.

Нехватка человеческого капитала также была обнаружена трансформационными происходящими процессами. Новые отклонения были наложены на существующее старое посткоммунистическое поведение. Систематические изменения привели к потерям социального капитала, поскольку они были неотделимы от возрастающего социального неравенства, коррупции и ликвидации определенной институциональной корпоративной базы (например, кооперативы, профсоюзы, репутация государственной политики). Данные, опубликованные Евростат, показывают, что разница в доходах в Польше является ограниченной, поскольку показатель среднего дохода 20% наиболее богатых и наиболее бедных людей таков же, как и средний в ЕС. Следует отметить, что такие синтетические ограничения социального неравенства, как и коэффициент Джини, не имеют главной диагностической ценности, поскольку они не могут быть использованы для оценки средств и прибыли, эффекта от прибыли и неравенства собственности, а также они не учитывают другие типы неравенства. Однако гипотеза утраты интеллектуального капитала через утрату социального выглядит достаточно убедительной. Показатель средней зарплаты между 10% наи-

высшей и наименьшей заработной платы с сентября 1993 г. возрос с 4,93% до 7,76% [19] в октябре 2002 г. В то же время количество людей, живущих на пределе или за пределом биологического минимума выживания, удвоилось и составляло 11% населения в течение 1996–2001 гг. Уменьшение показателя отношения минимальной заработной платы к средней с 44% в 1995 г. до 33% в 2003 г. также является тревожным феноменом, поскольку результаты процентного увеличения людей, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, возросли до 57%. Концентрация заработной платы на низких уровнях и ее наблюдающееся уменьшение привело к краху правила оплаты по стоимости труда. Польша характеризуется как страна с наивысшими показателями социального неравенства в Европе. Лишь Италия может с ней сравниться.

Другими показателями возрастающей социальной неровности, возвращаясь в XIX век является практика рабочих отношений в новообразованном частном секторе с одновременным снижением государственных социальных услуг, почти полным исчезновением дешевого жилья, упразднением их строительства и одновременным развитием строительства дорогих домов для богатых людей и массовой коррупции.

Главным продуктом описанных выше процессов является ограничение основного и возрастающего в процентном отношении населения с худшим доступом к знаниям и информации, невозможность к трансформации их в капитал и развивающаяся жизненная культура, с уже унаследованными чертами, непригодными для наукоемкой экономики. Очевидным является то, что этот феномен закрывает возможности развития для социальных групп, на которые он распространяется.

Процесс роста социального неравенства сопровождается одновременной интенсификацией сравнительных требований и популярным принятием государственной социально-экономической политики. Хотя высокая оплата для старательных работников, включая и успешных предпринимателей, является общепринятой, однако 93% населения в Польше больше беспокоится о большой разнице в доходах и собственности, в то время как 83% отказываются принимать существующую разницу в оплате.

В свете высокой интенсификации сравнительных условий польского общества, наряду с одновременным ростом социального неравенства, отсутствие политики создания новых рабочих мест и рациональной миграционной политики, гипотеза о падающем уровне использования человеческого капитала кажется достаточно реальной.

Ограниченные аккумуляционные возможности польской экономики и тот факт, что большая половина населения до сих пор не осознает роли знаний в процессе труда, влияют на рост производительности и уровень уменьшения отставания в развитии. С другой стороны, экономическая политика и рыночные институты не в состоянии создать благоприятные условия для увеличения наукоемкой производительности, и мы не можем изу-

чить широко распространенную практику использования знаний, сталкиваясь с проблемой роста отставания в развитии и серьезной социальной напряженностью.

4. Предложения по экономической политике

В теории, долгосрочный экономический рост является производной набора производительности, состоящей из развития интеллектуального капитала, социального капитала и относительного капитала [1; 3; 7; 10; 23; 36]. Несмотря на вклад физического капитала и ресурсов рабочей силы в создание экономического роста, он имеет свои ограничения, определенные возможным аккумуляционным уровнем и уровнем роста ресурсов рабочей силы. Хотя польская экономика характеризуется низким уровнем аккумуляции (20,8–18,9% в 2000–2003 гг.) и существованием огромного запаса неиспользованных ресурсов рабочей силы (в процентном отношении профессионально активные люди в продуктивном возрасте составляют 45,9%), пути поддержки высокого уровня экономического роста должны требовать развития активных знаний, а в экономике – возможности по освоению ее ресурсов, так же как и последующей мультипликации человеческого капитала посредством финансирования продолжения образования работников. Это означает, что показатели высокой экономической стабильности роста являются внутренними. Однако обстоятельства реальной сферы не могут обеспечивать достаточные предварительные условия для стабильности интенсивного экономического роста, с тех пор как они характеризуются скоростью и трудностью в прогнозировании изменений (технологических, политических, ценовой нестабильности энергетических источников, являющихся результатом конфликтов на Ближнем Востоке, подъема в Китае и другими шоками, вызванными достаточными изменениями в обменном курсе валют или очень медленным экономическим развитием в наиболее развитых странах ЕС).

Для достаточного предвидения и стабилизации интенсивного экономического роста внутренних факторов относящиеся к сфере регулирования факторы должны также приниматься во внимание. К сожалению, глобальный опыт показал, что дополнительные рыночные механизмы с приоритетами и инструментами мотивации стратегии роста часто не дают желаемых результатов. Мотивация стратегии роста направлена на факторы спроса или предложения с такими временными рамками, которые часто угрожают экономической дестабилизации из-за временных ограничений и оказываются неспособными создавать новые рабочие места в масштабе экономической и социальной важности для уменьшения безработицы. Причинам, которые в данных стратегиях взаимодействуют и со спросом, и с предложением, очень часто не уделяется надлежащее внимание. Необходимо прямо поощрять экономические решения заинтересованных сторон путем

увеличения производительности. Только благодаря увеличению производительности и неизменности спроса и предложения возможен постоянный рост спроса и уменьшение безработицы, которые могут быть гарантированы, поскольку это увеличит конкурентоспособность. Однако, когда ожидание роста спроса пессимистично, то о поддержке существующей склонности к инвестированию не может быть и речи. Это равносильно невозможности экономики создавать новые рабочие места. Следовательно, факторы роста спроса не могут игнорироваться.

Может возникнуть иллюзия, что с тех пор, как неоклассики предложили прогрессирующую конвергенцию по уровню экономического роста и прибыли посредством открытой экономики без правительственного вмешательства, результат уже возможен через два поколения где угодно, включая Польшу. На практике же успешная ликвидация отставания в развитии наблюдалась только в нескольких странах, где правительства действовали сознательно [11] в отношении институциональных инноваций, инфраструктурных инвестиций, образования, науки и технологии, направленной «вдогонку».

Рискованные результаты неэффективности механизмов государственного регулирования не могут быть незамеченными [35]. Ликвидация отставания в развитии не может быть идентифицирована как вмешательство, которое берет начало в кейнсианской традиции; ее теоретическое признание, в свою очередь, берет свое начало из теории внутреннего развития. Фокусирование экономической политики на аспектах спроса является неоправданным в условиях глобального капитализма. Ее источники, в принципе, находятся вне сферы правительственного вмешательства, а это означает, что даже спрос, стимулирующийся правительством, необязательно должен быть направлен на внутреннее производство. Однако либеризация рынков определена процессом глобализации, и европейская интеграция находится в оппозиции к ней. Это касается факторов как производства, так и потребления товаров.

Экономическое вмешательство, направленное на поддержку логических рыночных механизмов, до сих пор остается в рамках экономической политики. Корпоративная социальная ответственность является очевидной необходимостью в данном случае. Однако для эффективности политика, направленная на выполнение, должна соответствовать рамкам данной логики. В противном случае, экономика в целом, включая индивидуальные компании, может утратить конкурентоспособность, что разрушает шансы на эффективность данной политики. Единственным допустимым решением является социальная политика, одобряющая экономически оправданное неравенство доходов и собственности, которое базируются на социальных уступках.

Нельзя забывать и о том, что в условиях глобального капитализма, инструменты достижения целей экономической политики национальными правительствами включают: рационализацию вмешательства в рынок и

производство в местах, где он не функционирует, регулирование поддержки институциональных и инфраструктурных требований для эффективной конкурентоспособности, уменьшение асимметричности информации, популяризацию предпринимательства, развитие финансовых рынков, либерализацию рынка рабочей силы, большую свободу в торговле, развитие ресурсов человеческого капитала в масштабе, соответствующем потребности в ликвидации отставания в развитии наукоемкой экономики, создавая инвестиционный климат для лучшего ее освоения, восприятия ИКТ и стимуляции развития институциональной среды, поддерживающей инновации с целью развития внутреннего ИКТ-сектора в течение более длительного периода, чем в более развитых странах. Все вышеперечисленные вмешательства должны быть систематизированными и целостными по своей сути. Для достижения этого необходимо включить их в общее видение экономического развития, которое реализуется через продуктивно ориентированную стратегию (E), экономически оправданное и социально приемлемое социальное неравенство (SN) и развитие интеллектуального капитала (RKI). Данная трехмерная стратегия (E+SN+RKI) должна принимать во внимание дуалистическую природу современной экономики. Ее двойственный дуализм касается как материальной, так и нормативно-правовой сферы³.

Мы должны помнить, что, ограничивая экономическую политику лишь созданием рынка, его стабилизация и в некоторых случаях его усиление через мотивацию роста трактуются как допустимые и даже как поддержка возрастающего неравенства не только относительно собственности и прибыли, а также как быстрое распределение благ, полученных от экономического роста, только на пользу самой богатой прослойки общества. Однако традиционная социальная политика и ее соответствующее законодательство находятся в противоречии либеральной экономической политики и требованиям глобального капитализма. Без сомнения, она освещается как дефицит образовательного фактора, дополнительных средств экономического роста, меньшего дохода и промышленной эффективности, долгосрочного обесценивания телеграфных платежных поручений ВВП. Это все и является вызовом новой социальной политике.

Тот факт, что сбалансирование экономического роста лишь при помощи неравенства⁴ прибыли и собственности является достаточно слож-

³ Дуализм реальной сферы выражается кооперацией: экономики, основанной на традиционных технологиях и управлении и новой экономики, основанной на информационных технологиях, Интернете и интеллектуальном капитале. Кое-где дуализм законодательной сферы связан с сосуществованием либеральной рыночной экономики и управления (на государственном и глобальном уровнях, а для Польши – на уровне союза).

⁴ В социально ориентированных экономиках справедливое неравенство отличается от равного распределения основных товаров [21]. Более радикальный либерализм подчеркивает то, что равенство ресурсов [8], равенство правил либералов [16] и равенство легальных и политических соглашений будет достаточным. Определяю-

ным и требует обеспечения условий, до сих пор не до конца обозначенных в теории экономики, не может служить причиной для упразднения поиска такого варианта экономической стратегии, который учитывал бы потребность в уменьшении неравенства, являющегося экономически неоправданным и неприемлемым для общества. Мы должны помнить, что справедливое неравенство принимает рост как цель и содержание попыток экономической действительности до тех пор, пока они улучшают индивидуальное благосостояние. Они также помогают подняться социальному и человеческому капиталу и, как результат, – интеллектуальному капиталу, ограничивая неэффективные популистские попытки и утрату интеллектуального капитала.

Развитие человеческого капитала дает выход новым талантам, обеспечивающим энергию и умения, которые вносят свой вклад в динамику роста подразделений, и через них – во всю экономику. Стратегия трансформации знаний в капитал требует, прежде всего, новой образовательной стратегии. Недостаточно лишь сфокусировать систему образования на смежных, уже существующих знаниях и системе науки для обогащения знаний вообще. Также необходимо уделять внимание практическому значению знаний, так же как и возможностям их освоения. Вот почему возникает потребность для более широкого сотрудничества образования и практики, а также потребность в популяризации механизмов, которые могут содействовать такому сотрудничеству. Некоторые механизмы также необходимы для демонополизации школьного образования, для создания механизмов конкуренции между школами и сотрудничества по поводу образова-

щим условием для справедливого неравенства в распределении прибыли и собственности является институциональная среда. Так, повышение благосостояния богатых улучшает ситуацию в целом, во всяком случае, не ухудшает ситуацию беднейших. Этот подход, однако, подчеркивает равенство ресурсов, но не объясняет результат свободных действий [26] – для чего увеличивать ресурсы. Материально обоснованное благосостояние не отражает действительной составляющей жизни. Действие индивида на столько считается ответственным, сколько оно гарантирует ответственное действие для следующих поколений [12; 13; 14]. Отсутствие адекватных мер несправедливости, позволяющее сравнивать ее разные измерения с разными жизненными измерениями, не оправдывает уменьшения ответственности за решения, касающиеся критериев справедливого распределения. На практике это может быть охвачено достаточной и приемлемой мерой социального неравенства. Стоимость человеческого капитала оценивается согласно прибыли и средств, имеющих отношение к справедливому экономическому распределению [6]. Этот метод не принимается во внимание, однако ответственность за тех, кто не имеет возможности принимать участие в производственном процессе, а также индекс, подтверждающий ценность человеческого капитала, должны также приниматься во внимание. Исследования в этой сфере проводились Михалом Возняком, Лукашом Яблонским, Ришардом Болонекком, Дариушем Фирцом, «Человеческий капитал и интеллектуальный капитал как определители экономического роста и ограничение социального неравенства», исследование департамента прикладной экономики, Краков, Университет экономики, 2006.

тельного процесса в обществе между всеми властными структурами, неприбыльными учреждениями и бизнес-организациями.

Наибольшее социальное экономическое изменение, базирующееся на интеллектуальном капитале, станет изменением в знаниях и их форме, содержании, понимании их функций и ответственности, их роли в производительности и в том, что необходимо для образованного человека, чтобы быть носителем человеческого капитала.

Дуалистический характер современной экономики должен отражаться в направлении экономического роста. Это означает, что стратегические приоритеты должны базироваться на двух компонентах экономики, то есть, на секторе новой экономики, основанной на использовании новых знаний, и секторе традиционной экономики, которая использует наличные ресурсы существующих, уже применяющихся знаний.

Из уважения к традиционному сектору, предложенная стратегия требует стимуляции развития ФСК (фонд уставного капитала) сектора, сельских территорий, жилых домов и технической инфраструктуры.

Стимулируя развитие определяющих компонентов традиционного сектора, необходимо увеличивать возможность экономики для использования ресурсов рабочей силы и уменьшать высокую безработицу. Эти приоритеты могут помочь уменьшить бедность, ограничить неравенство в доходах бизнеса и регионов между сельскими хозяйствами и их работниками, между городскими и сельскими жителями для лучшего распоряжения человеческим ресурсом.

С другой стороны, это означает экспансию отраслей с наибольшими внешними эффектами экономической деятельности и ростом глобальной производительности. Вот почему все сводится к возможности быстрого увеличения доли сектора ИКТ в ВВП, инвестиций в науку, образование и другие элементы социальной инфраструктуры, что является важным для развития человеческого и интеллектуального капитала, поскольку прямые иностранные инвестиции (ПИИ) получают в основном интернациональные корпорации (ТНК).

Реализация отмеченных приоритетов, однако, сталкивается с напряженностью относительно возможностей аккумуляции экономики и общества. Неоклассическая теория экономического роста показала, что оптимальный уровень аккумуляции физического капитала, с точки зрения максимизации социального благосостояния, так называемый золотой уровень аккумуляции [20], составляет приблизительно 1/3 ВВП, но, принимая во внимание инвестиции в образование и науку, он должен составлять не менее 60% ВВП. К сожалению, Польша имеет один из самых низких уровней инвестиций в физический капитал среди стран ЕС, существенно отличающийся от развивающихся стран Азии и Латинской Америки, и непомерно низкий уровень инвестиций в науку. Возможное увеличение

склонности к сбережениям необязательно означает, что инвестиции в физический капитал должны возрастать и будут вложены в предприятия с дальнейшей перспективой роста конкурентоспособности и прибыльности производства. Недостаточно лишь создать благоприятные условия как для роста домашних сбережений, так и для инвестиций просто во что-нибудь. Речь идет о сбережениях, инвестированных в увеличение производительности и лучшее использование существующего интеллектуального капитала, то есть в сферы с максимальными внешними эффектами экономической деятельности.

Очень важным компонентом правительственной стратегии, направленной на увеличение склонности к сбережениям, является уменьшение отрицательных сбережений государственного сектора экономики, что является результатом высокого и продолжительного роста безработицы и непроизводительных правительственных расходов.

Сбережения домохозяйств могут дополняться иностранными сбережениями в рамках установленных объемом допустимого дефицита текущих общих объемов миграции. Целью является создание ситуации, где предприятия – отечественные и иностранные – имеют возможность и готовы инвестировать в ИКТ и другие сферы, усиливающие рост научных ресурсов и использование существующего человеческого и интеллектуального капитала.

Либеризация финансового рынка, интеграция в ЕС и глобальные тенденции создают перспективы для ограничения барьеров и сбережений домохозяйств благодаря динамическому потоку прямых иностранных инвестиций. Важна и взаимозависимость между объемом прямых иностранных инвестиций и распространением знаний. Теоретические доказательства подкрепляются экспериментами, которые показали, что они являются особо активными в секторе высоких технологий и в отраслях с высоким уровнем насыщенности экономик знаниями. Затраты на оплату труда становятся менее весомыми для прямых иностранных инвестиций. Такие факторы, как квалификация, производительность труда, административная эффективность и прозрачность законодательства, находятся на подъеме. Уровень человеческого капитала до сих пор остается главным показателем нашей возможности перенимать и осваивать сложные технологии.

Когда потоки прямых иностранных инвестиций имеют затруднения из-за международных корпораций, повышение квалификации, технологии и организации могут иметь место, влияя на эффективность труда на отдельных предприятиях и на доступ к иностранным рынкам, как результат копирования моделей поведения иностранных предприятий. Великие надежды на рост потоков прямых иностранных инвестиций и новых технологий должны способствовать доступу Польши в ЕС. Однако это не станет автоматическим процессом. Глобальная статистика показывает, что в местах с легкодоступной квалифицированной рабочей силой, развитыми рыночными институтами, ростом инвестиций в техническую и социальную инфраструктуру

туру, стабильной и конкурентоспособной фискальной политикой по сравнению с другими, соседними странами возможен успех в данной сфере.

Существенным условием для потоков прямых иностранных инвестиций в Польшу является стабильная правительственная политика, базирующаяся на долгосрочном видении производительных ресурсов, которые реконструируются, уменьшении налогов и инфляции, гарантирующим быстрый экономический рост, что, как следствие, ведет к улучшению конкурентоспособности отечественных предприятий.

Низкое аккумулирование возможностей польской экономики, слабые потоки прямых иностранных инвестиций, недоразвитость рынка, слабость человеческого и интеллектуального капитала, неприемлемая экономическая политика сказались на условиях жизни в старомодной стране, которая является лишь дополнением наукоемкой экономики с ее будущими угрозами экономической безопасности граждан.

Низкие показатели посещения школ среди сельской молодежи характерны для Польши. Без масштабного улучшения квалификации молодежи эффективная модернизация сельского хозяйства не будет достигнута, поскольку поддержка сельскохозяйственных предприятий субсидиями ЕС, включая также и полученные из государственного бюджета, может лишь незначительно уменьшить объемы бедности.

Другим важным показателем человеческого капитала является благосостояние и здоровье общества. Их состояние и улучшение зависят не только от объемов бедности, бюджетных затрат и налогов, направленных на охрану здоровья. Недооценивается и профилактика болезней в здоровье нации, так же как и популяризация культуры и этики здорового образа жизни. Любые изменения в отношении людей в сфере популяризации социальной политики, культуры и этики здорового образа жизни, знаний экологических и фитосанитарных стандартов не могут быть достигнуты без приоритетного стимулирования образовательной системы.

5. Вступление в ЕС и экспансия наукоемкой экономики

Распространение Интернета, глобализация, интеграция и либерализация глобальной экономики являются, без сомнения, процессами, которые ведут к капитализации знаний в глобальном масштабе. Эти процессы знания, как экономический товар, могут быть использованы различными учреждениями. Однако люди – носители человеческого капитала – должны их создавать. Каждая страна, которая инвестирует в человеческий капитал, тем самым вкладывает средства в ее экономическое развитие. Однако эти

средства получают фирмы, способные к передаче знаний в менее развитые страны, в большинстве случаев – международные корпорации и более развитые страны, где находятся наиболее деловые, здоровые и способные к риску работники. Вхождение потоков рабочей силы в общий европейский рынок и существующие временные барьеры занятости, которые на практике применяются к неквалифицированной или менее квалифицированной рабочей силе из новых стран-членов ЕС, делают вклад в фактическую миграцию работников между разными странами, принося положительные внешние эффекты экономической деятельности для стран-реципиентов квалифицированной рабочей силы. Это – несмотря на инвестиции в человеческий капитал среди стран с высоким уровнем безработицы и низкими трудовыми доходами, средствами, когда знания и навыки, приобретенные благодаря им, не могут быть использованы для мобилизации ресурсов в отечественной экономике. Отсутствие человеческого капитала в миграционной политике ЕС, которое учитывает перемещение средств, созданных данным капиталом или перемещением части прибыли в страны его происхождения, является серьезной преградой увеличения выгод членства в ЕС и ликвидации отставания в развитии беднейших стран-членов.

Вступление Польши в ЕС является результатом надежд политиков и общества на ускорение процессов развития экономики, базирующейся как на производительности и знаниях, так и на ускорении процессов конвергенции. Однако, когда мы посмотрим на эффективность существующей политики ЕС относительно сближения регионов и стран Восточной Европы, то должны будем отметить, что эти процессы очень запутанны и сложны для реализации. По мнению Болдриана и Кановы, в большинстве стран ЕС процессы сближения и различия не имеют места. В 60-х европейские экономики сближались по 2% на год. В следующие периоды эти процессы стали более сложными. Однако всем структурным фондам удалось лишь сбалансировать негативные результаты членства в общем [11] рынке ЕС Португалии, Греции и Испании. Членства в ЕС недостаточно для остановки процессов различия и начала сближения. Маахстрихтские критерии предусматривают стабильный, однако медленный экономический рост. Поэтому не случайно отставание в развитии между Западной Европой и США увеличилось в течение 20-ти последних лет. Две системы ценностей действуют в ЕС, то есть рейнский и англосаксонский капитализм. Новые члены из Восточной Европы вносят в ЕС разные отношения к работе и государству, уменьшающие качество человеческого капитала. В то же время идут дебаты по поводу уменьшения благосостояния ЕС и унификации налоговой системы. Результирующий антагонизм не предусматривает ничего хорошего для ликвидации отставания в развитии между ЕС и США. Бюрократизация экономики институтами ЕС не является подходящим методом для распространения новой экономики. Лиссабонская стратегия в ее предположении направлена на ликвидацию отставания в развитии в течение 15 лет от США при помощи экспансии наукоемкой экономики США и до сих пор развиваются быстрее других.

Чтобы подытожить вышеприведенные комментарии по внешним предпосылкам роста польской экономики, необходимо отметить, что в свете интеграции и глобализации, где огромные капиталы и информация, необходимые для принятия рациональных решений, распространяются с большой скоростью, реальные и регуляторные процессы в Польше все больше и больше зависят от того, что происходит в мировой экономике. Однако некоторые страны развиваются лучше, чем другие, но не из-за того, что они являются членами ЕС или послушно выполняют советы и предложения международных организаций, а потому, что владеют лучшим или худшим человеческим капиталом и экономической политикой, с помощью которой они могут лучше и своевременно использовать преимущества экономического сотрудничества и инициативы, инструментами, защищающими их общество от влияния некоторых объективных процессов мировой экономики. Таким образом, в результате возрастающей конкурентоспособности в глобальном, интегрированном мире нужно скоординировать общие усилия центральной и локальной власти, корпоративных учреждений и граждан, направленных на прием вызовов конкурентоспособности, реструктуризации, технологии, экспорта, фискальных и монетарных факторов, являющихся результатом внешних предпосылок экономического развития индивидуальных экономических подразделений Польши.

Литература

1. Barro R. J., Sala – i – Martin X. (1997), *Technological Diffusion, Convergence and Growth*, «Journal of Economic Growth», no 2.
2. Bartosik M., *Działania systemowe rządu na rzecz wzrostu innowacyjności gospodarki z udziałem sektora B+R, Materiały na seminarium RSSG przy Prezesie RM na temat «Procesy innowacyjne w polskiej gospodarce» odbytego dn. 15 kwietnia 2005 r.*
3. Becker G., Murphy K., Tamura R., (1990), *Economic Growth, Human Capital, and Population Growth*, «Journal of Political Economy», vol. 98, no. 5, pp. 145–149.
4. Boldrin M., Canove F., (2001), *Inequality and convergence in Europe's regions: reconsidering European regional Policies*, «Economic Policy. A European Forum», No. 32, p. 247.
5. Castells M., (1986), *High technology, world development and the structural transformation: The trends and debate*, «Alternatives», nr 11, s. 297–342.
6. Dobija M., (2000), *Human Resource Costing and Accounting as a Determinant of Minimum Wage Theory*, *Zeszyty Naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie, Kraków*, no. 553

7. Doepke M., de la Croix D. (2001), *Inequality and Growth: Why Differential Fertility Matters*, UCLA working paper.
8. Dworkin R.M., (2000), *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*, Cambridge (Massachusetts).
9. Guerrieri P., Maggi B., Meliciani V., Padoan P., (2005), *Technology Diffusion, Services and Endogenous Growth in Europe. Ist the Lisbon Strategy Still Alive*, BEER paper» May no. 2.
10. Fajnzylber P., Lederman D., Loayza N. (2002), *What Causes Polent Crime?*, «European Economic Review», nr 7, pp. 1323–1357.
11. Frejman Ch. (1989), *New Technology and Catching Up*,» The European Journal of Development Research», nr 1, p. 85–99.
12. Ioannes Paulus PP II, (2003), *Centisimus Annus (1 May 1991)*, Libreria Editrice Vaticana
13. Ioannes Paulus PP II, (2003), *Laborem exercens (14 September 1981)*, Libreria Editrice Vaticana.
14. Ioannes Paulus PP II, (2003), *Sollicitudo rei socialis (30 December 1987)*, Libreria Editrice Vaticana.
15. Kabaj M. (2004), Jak utworzyć 2 miliony miejsc pracy do 2010 r.? Elementy strategii promowania zatrudnienia. W: Tworzenie nowych miejsc pracy. Raport nr 47 RSSG, Warszawa, p. 25.
16. Nozick R., (1974) *Anarchy, State and Utopia*, Basic Books, New York.
17. Pohjola M. (2001), *Information, Technology, Productivity and Economic Growth*, Oxford University Press, pp. 11 – 12.
18. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. (1992), *A Contribution to the Empirics of Economic Growth*, «Quarterly Journal of Economics», May, pp. 407–437.
19. *Pensje coraz bardziej zróżnicowane* (2004), «Rzeczpospolita», 14 września, no 216 (6899).
20. Phelps E. S., (1961) *The Golden Rule of Accumulation. A Fable for Growthmen*,» American Economic Review», vol. LII, September, pp. 638–644.
21. Rowls J. (1971), *A Theory of Justice*, Cambridge, Massachusetts.
22. *Rocznik Statystyczny GUS* (2003), Warszawa, tab. 4(237) s. 254 i tab. 22(586), p. 602. [Statistical Yearbook, Polish Statistical Office, Table. 4 (237), p. 254 and Tabl. 22 (586), s. 602]
23. *Rocznik Statystyczny GUS* (2003), Warszawa 2003, tab. nr 1 (579), p. 636 i tab. nr 6 (602) p. 645 [Statistical Yearbook, Polish Statistical Office, Table. 1 (579), p. 636 and Tabl. 6 (602), s. 645.

24. Romer P., (1990) *Endogenous technological change*, Journal of Political Economy, no. 98.
25. Romer P. (1986)., *Increasing Returns and Long - Run Growth*, «Journal of Political Economy», nr 94.
26. Sen A.,(1999), *Development as Freedom*, New York, Alfred A. Knopf.
27. Solow R. (1956), *A Contribution to the Theory of Economic Growth*, «Quarterly Journal of Economics», nr 70.
28. Solow R. M. (1957), *Technical Change and the Aggregate Production Function*, «Review of Economic and Statistics», September, t. 39.
29. *Uwaga na grupę ryzyka*, (2004) «Rzeczpospolita» 15 września, nr 217 (6900).
30. Ulrich P., *Integrative Economic Ethics – Towards a Conceptions of Socjo – Economic Rationality*, in: Kozłowski P. (2000), (red.), *Contemporary Economics Ethics and Business Etics*, Springer, Berlin.
31. Welfe W., Florczak W., Sabatny L. (2001), *Ekonometryczne modelowanie postępu technicznego, jego elementów i źródeł*, w: *Ekonometryczny model wzrostu gospodarczego*, ed. W. Welfe, Wyd. UŁ, Łódź, pp. 124–128.
32. Welfe W., (2004) *A Medium – Term Forecast for Poland up to 2008. Strong Recovery Follows*, Paper submitted of the Project LINK, N. York, November.
33. Woźniak M. G., (2004), *Wzrost gospodarczy. Podstawy teoretyczne*, Wyd. AE w Krakowie, Kraków, s. 164–194.
34. Woźniak M. G., (2005), *Rozwój sektora małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce a wzrost gospodarczy. Doświadczenia lat dziewięćdziesiątych i perspektywy*, Wyd. AE w Krakowie, Kraków, rozdz. III–IV.
35. Woźniak M. G., (1993), *Kierowanie. Rynek. Transformacja. Bariery stabilizacji*, IBR, Kraków.
36. Zak P. J., Knack S., (2001), *Trust and Growth*, «The Economic Journal» April, p. 295–321.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2006 г.